

Я. В. Вишняков**СЕРБСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО И РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ¹**

В статье рассматривается взаимосвязь событий русской революции 1917 года с процессами становления новых государств, возникших по итогам Первой мировой войны в Центральной и Юго-Восточной Европе.

Автор подчеркивает, что события Февраля 1917 года привели к пересмотру планов, касавшихся будущего Западных Балкан. Вместо первоначальных планов расширения границ Сербии за счет сербских районов Австро-Венгрии (Воеводина, Босния и Герцеговина, части Славонии и Далмации с выходом к морю), речь пошла о слиянии в рамках одного государства хорватов и сербов с полной ликвидацией Австро-Венгерской империи. Ведомая «творцами Февраля» российская дипломатия поддержала создание «югосферической» модели будущего государства, что на тот момент отвечало интересам исключительно Франции и Англии, которые видели в этом наднациональном «големе» путь к ослаблению в регионе политических амбиций немцев и итальянцев и в то же время средство для нейтрализации российского влияния в самой Сербии. Все эти события стали предпосылками будущей трагической судьбы возникшего в декабре 1918 года государства.

Русская революция 1917 года; Н. Пашич; Николай II; М. Живкович; Сербский добровольческий корпус; Корфская декларация

События русской революции 1917 года существенно повлияли на процессы становления новых государств, в том числе Югославии, возникших по итогам Первой мировой войны в Центральной и Юго-Восточной Европе. Заметим в этой связи, что при формировании идеологической доктрины сербского государства в конце XIX — начале XX века, выработке его внутри- и внешнеполитического курса, тесно связанного с проблемой инкорпорации югославянских народов в сербское государство, среди лидеров страны удивительным образом переплетались две концепции: принцип национальной, территориальной государственности и принцип «личной» национальности². Первый исходил из того, что территориальное государство естественным образом порождает единый народ, когда пребывание части «сербского племени» вне рамок единого государства рассматривалось политическими лидерами как серьезная проблема, требующая немедленного решения, а второй предусматривал также и то, что народы Балканского полуострова имеют право на собственное развитие и внутреннюю самоидентификацию. Неслучайно российский посланник в Белграде Г. Н. Трубецкой отмечал, что «у сербов было большое преимущество долговременного пользования независимостью. Сербия была государством, имевшим все необходимые, хотя, может быть, и несовершенные органы власти, а также и прекрасную армию. Если бы объединение совершилось, то заслуга в этом деле принадлежала бы Сербии, а не Хорватии, цементом его была бы сербская кровь. Это создавало Сербии несомненное право на первенство в будущем государстве. Кроме того, если бы такое государство осуществилось, перед ним стали бы многочисленные международные задачи, для решения которых потребовалась бы сильная власть»³. Заметим, что окончательный трагический и кровавый финал этого, более чем векового противостояния произошел уже в наши дни.

Если говорить о конкретном воплощении этого тезиса, то можно констатировать, что в начале XX века конкретная программа национального развития Сербского королевства состояла из двух разновекторных и при этом противоречивых компонентов. С одной стороны, решение конкретными методами борьбы с опорой на традиции программы «Начертание»⁴ как приоритетной задачи освобождения всех территорий, населенных сербами и находящихся под

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 19-09-00163.

² См.: Слезкин Ю. СССР как коммунальная квартира, или Каким образом социалистическое государство поощряло этническую обособленность // Американская русистика. Вехи историографии последних лет. Советский период. Самара : Самар. гос. ун-т, 2001. С. 364.

³ Трубецкой Г. Н. Русская дипломатия 1914–1917 гг. и война на Балканах. Монреаль : Русь, 1983. С. 105.

⁴ О программе «Начертание» подробнее см.: Никифоров К. В. «Начертание» Илии Гарашанина и внешняя политика Сербии в 1842–1853. М. : Индрик, 2015. 256 с.

властью Турции и Австро-Венгрии, в первую очередь, однако, речь шла о Старой Сербии (Косово и Метохия, Рашка), части Македонии и Боснии и Герцеговине. С другой стороны, именно в самый канун Первой мировой войны компонентом данной программы стал и югославянский вопрос. Как заметил исследователь А. Л. Шемякин, «поворотным пунктом ее эволюции в сторону “югославизма” стали Балканские войны (1912–1913). Санкционированное Бухарестским мирным договором (август 1913 г.) присоединение к Королевству Вардарской Македонии и Старой Сербии означало частичное решение сербского национального вопроса (южного его “фланга”), что не могло не повлиять на состояние умов в стране. Именно в этот момент претерпевают определенные изменения национальные предпочтения Радикальной партии»⁵. Акценты в них смещаются с юга на север, начинают явственно звучать “интегралистские” мотивы»⁶. Именно национальные акценты стали в сознании сербской военной и политической элиты не только отвечать задачам внутреннего развития государства, но и превалировать над ними, создавая в стране особое смысловое поле и став апробированным арсеналом средств для идеологического воздействия на сербское общество в целом. Известный журналист Д. Рид, автор книги «Десять дней, которые потрясли мир», в своих заметках о Первой мировой войне привел разговор с одним старым офицером, который «сказал в каком-то экстазе: “Мы учили, что эта мечта о Великой Сербии, несомненно, осуществится — но в будущем, через много лет. А вот она осуществилась в наше время. За это стоит умереть!”»⁷. Открыто же «югославянский вопрос» сербское правительство поставило после начала Первой мировой войны. 7 декабря 1914 года Народной Скупщиной страны была принята Нишская декларация, в которой, в частности, говорилось: «...королевское правительство в настоящий судьбоносный момент считает своей главной и единственной задачей — способствовать успешному завершению этого великого вооруженного противостояния, которое с самого начала стало одновременно и борьбой за освобождение и объединение всех наших еще несвободных братьев сербов, хорватов и словенцев». Как отмечал А. Л. Шемякин, сербский премьер был отнюдь не идеалист, а принятие этого документа было тесно увязано с военно-политической конъюнктурой того времени. «Декларация о военных целях Сербии приобрела общеславянскую “упаковку” лишь после того, как Пашича убедили в том, что это поможет Сербии в войне, так как вызовет выступление югославянских и иных славянских народов Австро-Венгрии»⁸.

Иными словами, все острые политические дискуссии на просторах Балканского полуострова в начале XX века, нередко выходявшие за рамки академических споров, были лишь внешним выражением противостояния двух форм видения национальной идентичности югославянских народов: либо интегральное славянство, считающее сербов, хорватов и словенцев одним народом, которому предначертана общая судьба в общем славянском доме, либо собственные национальные сербо-хорватско-словенские доктрины, основанные на принципах национальной идентичности. Поэтому представление сербской политической и интеллектуальной элиты о том, каким будет послевоенное государство южных славян, было весьма смутным, в том числе и в контексте перспектив практической реализации Нишской декларации. Однако маневры союзников заставили сербов задуматься о собственных предложениях. Отметим, что и страны Антанты, и ее противники рассматривали столицы Балканских государств — Бухарест, Софию, Тирану и Афины — как своеобразную «биржу», где был уместен торг за вхождение этих стран в войну. Наградой на этом «рынке» служили исходившие с двух сторон заманчивые предложения территориальных компенсаций за счет соседей. Страны Антанты, а особенно российская дипломатия, пытались привлечь в свои ряды Болгарию, требовали от Сербии отказаться от завоеванной ею в ходе Балканских войн части Македонии. Это давление усилилось после неудачи Дарданелльской операции и поражения итальянских войск на Соче. Не стоит также забывать, что в апреле 1915 года в Лондоне был подписан секретный договор об условиях вступления в войну Италии и ее будущих территориальных компенсациях, касавшихся прежде всего переустройства Северной Адриатики. По этому соглашению территории нынешней Хорватии и Словении должны были быть разделены между Италией, которая получала, помимо австрийских владений, Истрию и Далмацию, и Сербией и Черногорией, которые получали Южную Далмацию вплоть до Сплита и

---

⁵ Народная радикальная партия, крупнейшая политическая сила страны, оформилась в 1881 году. Ее лидером был Никола Пашич, один из выдающихся сербских политиков. В конце XIX века она составляла ведущую оппозиционную силу правящему Королевскому дому Обреновичей. В 1901 году партия раскололась на две группы — старорадикалов, сторонников Н. Пашича, и младорадикалов, образовавших Независимую радикальную партию.

⁶ Югославия в XX веке. Очерки политической истории. М. : Индрик, 2011. С. 175.

⁷ Рид Д. Вдоль фронта. М. ; Л. : Земля и фабрика, 1928. С. 66–67.

⁸ Шемякин А. Л. Югославская программа Сербского королевства в первый период войны (август 1914 — октябрь 1915) // Первая мировая война. Пролог XX века. М. : Наука, 1998. С. 388.

Дубровника. Кроме того, сербам обещали Боснию и Герцеговину. Заметим, что данный договор, декларирующий территориальный передел Балкан, сам по себе иллюстрирует неверие российской и европейской дипломатии в светлые перспективы сербо-хорватского объединения в рамках общего государства. В мае 1915 года был создан Югославянский комитет, ставивший своей задачей объединение всех югославянских земель с Сербией и формирование единого югославянского государства. В состав комитета вошли представители от Хорватии, Словении, Далмации, Боснии и Герцеговины: Ф. Супило, Ф. Поточняк, Б. Вошняк, И. Мештрович, Н. Жупанич и др. Председателем комитета стал адвокат из Сплита А. Трумбич. К 1916 году Комитет имел своих представителей в Париже, Женеве, США, странах Южной Америки. В России интересы Комитета представляло общество «Юрий Крижанич» во главе с известными хорватскими общественными деятелями К. Геруцем, И. Гарапичем и словенцем Л. Тумой. В 1916 году К. Геруц создал в Москве общество «Югославия», а Л. Тума основал в Петрограде газету с аналогичным названием.

Однако уже тогда проницательным современникам было ясно, что югославянство как национальная идеология была нежизнеспособна. Так, например, в 1915 году русский посол в Париже А. П. Извольский в частных беседах с Й. Жуйовичем, президентом Сербской Королевской академии и неофициальным сербским представителем во Франции, предупреждал сербов об опасности формирования югославской модели будущего государства, советуя не идти по легкому пути объединения с хорватами и словенцами, а попытаться после окончания войны как можно больше расширить границы именно Сербского королевства⁹.

События Февраля 1917 года внесли в эти планы существенные коррективы. Сербское правительство потеряло своего главного союзника в лице Николая II. По ходу развития событий в Петрограде надежды сербского премьера Н. Пашича на то, что союзники при определении дальнейшей судьбы югославянских территорий учтут интересы его страны, таяли с каждым днем. В свою очередь свержение монархии привело к пересмотру российских планов, касавшихся будущего западных Балкан. Вместо первоначальных планов расширения границ Сербии за счет сербских районов Австро-Венгрии — Воеводины, Боснии и Герцеговины, частей Славонии и Далмации с выходом к морю, речь пошла о слиянии в рамках одного государства хорватов и сербов с полной ликвидацией Австро-Венгерской империи. Российская дипломатия, ведомая «творцами Февраля», поддержала создание «югосферической» модели будущего государства, что на тот момент отвечало интересам исключительно Франции и Англии, которые видели в этом наднациональном «големе» путь к ослаблению в регионе политических амбиций немцев и итальянцев и в то же время средство для нейтрализации российского влияния в самой Сербии.

Для правящих кругов Сербии полной неожиданностью стало назначение на пост министра иностранных дел Временного правительства в России П. Н. Милюкова, известного болгарофила. Временный поверенный в делах при сербском правительстве Б. П. Пелехин 8 (21) марта 1917 года прямо писал об этом Милюкову: «Не могу скрыть от вас впечатление, что ваши прошлые отношения с сербским общественным мнением вызывают здесь известную озабоченность»¹⁰. В свою очередь военный агент в Сербии В. А. Артамонов так писал о настроениях сербского правительства: «Государственный переворот в России вызывает в сербах смешанные чувства: с одной стороны, убеждение, что война будет доведена до конца, надежду на полное использование русских сил и средств и таким образом ускорение конечной победы, с другой стороны, сербы скорбят об удалении от власти Государя императора — защитника сербского народа от порабощения его противниками славянства. К скорби примешивается недоверие и боязнь по отношению к одному из влиятельных членов нового правительства, министру иностранных дел Милюкову, который известен сербам как ярый защитник болгар, их притязаний, направленных на умаление Сербии. Это обстоятельство вызывает у всех сербов, начиная с королевича Александра, опасения за будущее»¹¹. Стоит напомнить, что лидер русских кадетов еще с конца XIX века был регулярным получателем болгарских денег, активно лоббируя ее интересы в европейской и российской прессе, а также при подготовке доклада Комиссии Карнеги о причинах Балканских войн 1912–1913 годов. Все это можно отнести к одному из первых мировых примеров

---

⁹ См.: Джурич Дж. Первая мировая война с точки зрения типичного сербского интеллигента (по дневнику президента Сербской королевской академии) // Первая мировая война в литературах и культуре западных и южных славян. М. : Ин-т славяноведения РАН, 2004. С. 84.

¹⁰ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. : Политархив. Оп. 482. Д. 4025. Л. 12.

¹¹ Там же. Л. 12–22.

информационной пропагандистской войны, когда вся ответственность за совершенные в ее ходе преступления возлагалась на сербов и греков, защищая при этом болгар, турок и албанцев¹².

С удовлетворением было воспринято новыми российскими властями и подписание знаменитой Корфской декларации. 2 (25) июня 1917 года министр иностранных дел Временного правительства М. И. Терещенко, сменивший П. Н. Милукова, отправил Б. П. Пелехину следующую телеграмму: «Благоволите от имени Временного правительства нижеследующее приветствие съезду делегатов Юго-Славянских земель, собравшемуся на Корфу: “С чувством особого нравственного удовлетворения Временное правительство осведомилось о решении делегатов юго-славянских земель съехаться на Корфу для совместного обсуждения с представителями сербского народа интересующих юго-славян вопросов. Временное правительство посылает свой искренний и братский привет съезду и высказывает горячие пожелания, чтобы труды его увенчались полным успехом как подготовительная работа для установления в будущем тесного и прочного единения между юго-славянами на началах самоопределения, справедливого признания взаимных прав и согласования политических и экономических интересов. Съезд при этом может быть уверен, что в этом отношении он встретит сочувствие и поддержку со стороны свободной России”»¹³.

Естественно, что политику сербских властей по отношению к русскому вопросу в период революции, а затем начавшейся Гражданской войны определяла сохранявшаяся прорусская ориентация официальных кругов страны. Помимо исконных исторических симпатий, сербы помнили помощь, оказанную Россией в период июльского кризиса 1914 года, двустороннее военное сотрудничество и твердую поддержку сербских национальных интересов перед союзниками по Антанте в период 1914–1917 годов. Так, например, после полного разгрома сербской армии осенью 1915 года Н. Пашич в беседе с Г. Н. Трубецким «высказал убеждение, что союзники не бросят Сербии», полагая при этом, что «даже если бы, как некоторые думают, война окончилась вничью, он надеется, что в этом случае Сербия сохранит свою территорию, а союзники возьмут на себя ее долги»¹⁴. Кроме того, по мысли сербского премьера, именно Сербия, как воюющая страна, вложившая в победу союзников весь свой потенциал, имеет право представлять интересы юго-славян на международной арене. Именно поэтому провозглашенный большевиками знаменитый «Декрет о мире» не мог не вызвать глубокое разочарование сербского премьера. Кроме того, крах империи Романовых ставил крест на многих внутри- и внешнеполитических планах Н. Пашича, в том числе и в контексте озвученных в январе 1918 года знаменитых 14 пунктов В. Вильсона. Если союзники хотят исправить «историческую несправедливость» с Эльзасом и Лотарингией, то почему это не должно касаться аннексированной Австро-Венгрией в 1908 году Боснии и Герцеговины? Действительно, помимо дилеммы «Великая Сербия» или «Югославия», в то время существовала еще одна: сохранится ли Австро-Венгрия, и если да, то в какой форме? От ответа на этот вопрос зависело многое для определения судьбы будущей интеграции юго-славян, что, естественно, было обусловлено также общим ходом военных действий держав Антанты.

Кроме того, престолонаследник, а затем король Югославии Александр Карагеоргиевич обучался в русском Пажеском корпусе. И наконец, династии как сербских, так и черногорских правителей были связаны династическими узами с домом Романовых¹⁵. Таким образом, несложно представить, что к происходившим в России событиям весны — осени 1917 года официальная Сербия отнеслась не только консервативно, но и с оттенком возмущения. Подписание 3 марта 1918 года Брест-Литовского договора окончательно лишило сербское правительство своего внешнеполитического покровителя и гаранта восстановления сербской государственности¹⁶. Несколько дней спустя сербское правительство на Корфу обнародовало Декларацию о внешней политике и целях войны, в которой недвусмысленно заявляло, что революция в России выгодна

---

¹² Q. v.: Timofeev A., Živanović M. Carnegie Report on the Causes and Conduct of the Balkan Wars 1912/13. — Could Report's authors and their employers be objective? // Токови историје. 2016. № 3. P. 43–70 ; Тимофеев А. Ю., Живанович М. «Работа комиссии провалена... потому, что один из ее членов — открытый неприятель Сербии и Греции»: взгляд из Белграда на пропагандистский удар по Балканам в 1913–1914 гг. и его повторение через 79 лет // Военно-исторический журнал. 2017. № 5. С. 32–39.

¹³ АВПРИ. Ф. 323: Дипломатическая канцелярия при Ставке. Оп. 617. Д. 94. Л. 32.

¹⁴ Международные отношения в эпоху империализма. Т. 9. М., Л. 1937. С. 655.

¹⁵ В августе 1911 года сербская княгиня Елена, дочь короля Петра, вышла замуж за великого князя Иоанна Константиновича. Так Карагеоргиевичи породнились с Романовыми. Подробнее см.: Шевцова Г. И. Красные маки для княгини. Материалы к биографии княгини Елены Петровны. М.: Союз-Дизайн, 2017. 556 с.

¹⁶ При ратификации Брест-Литовского договора по собственной инициативе и на свой страх и риск, присутствовал сотрудник сербского посольства профессор Р. Йованович. (Q. v.: Јовановић Р. Зашто сам и како био и остао у Русији од 1913 до 1923 године. Кратки меморадум министру спољних послова Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца. Белград, 1925. С. 17.)

только Германии ¹⁷. Расстрел в июле 1918 года Николая II и его семьи усилил неприятие официальных кругов страны и происходящих в бывшей империи событий ¹⁸. Исходя из этого, становится понятно, почему официальная Сербия оказала открытую поддержку антибольшевистским силам.

Логическим завершением всех этих событий стал отзыв в июле 1918 года посланника в России М. И. Спалайковича и последовавший затем полный разрыв дипломатических отношений с большевистским правительством. 18 августа 1918 года советские власти арестовали сербскую военную миссию во главе с полковником Б. Лонткиевичем и произвели обыск в сербском посольстве в Петрограде ¹⁹. Военных, правда, быстро отпустили и уже в ноябре того же года они покинули пределы России. На негативное отношение югославского правительства к новой советской власти повлияло и также создание III Интернационала в марте 1919 года. Тогда же в Москве был образован «Югославянский совет рабочих и крестьянских депутатов».

Одновременно на Балканах происходили не менее судьбоносные события. 16 октября 1918 года австро-венгерский император Карл издал манифест «Моим преданным народам монархии» о трансформации монархии в союзное государство. Однако это была последняя агония двуединой империи. Народное вече хорватов, словенцев и сербов, созданное 5 октября 1918 года в Загребе, выступило с манифестом о переходе власти в его руки. 29 октября 1918 года на югославянских землях бывшей Австро-Венгрии было создано государство словенцев, хорватов и сербов (СХС) со столицей в Загребе ²⁰. 24 ноября Народное вече СХС приняло решение об объединении с королевствами Сербия и Черногория. Новое государство, которого ждала трагическая участь, было торжественно провозглашено 1 декабря 1918 года в Белграде регентом Александром Карагеоргиевичем.

В апреле 1919 года, после встречи Н. Пашича и С. Д. Сазонова, ставшего министром иностранных дел в правительстве А. В. Колчака, во время заседаний Парижской мирной конференции Белград принял решение об официальном признании омского правительства. Таким образом, Королевство сербов, хорватов, словенцев было единственным государством в мире, установившим с омским правительством официальные дипломатические контакты. «Выбор Колчака в качестве «верховного правителя», как заметил сербский исследователь М. Йованович, получил горячую поддержку со стороны Франции, Великобритании и США, бывших на тот момент основными внешнеполитическими партнерами Королевства СХС» ²¹. Кроме того, правительство Колчака отстаивало принципы политической преемственности старой российской империи. В качестве сербского дипломатического представителя в Омск был назначен Й. Миланкович. В Белграде интересы правительства Колчака представлял секретарь русской императорской миссии, уважаемый в сербских политических и общественных кругах В. Н. Штрандтман ²². После поражения белых сил на востоке бывшей империи он остался во главе русской миссии как представитель А. И. Деникина, а затем и П. Н. Врангеля. В свою очередь при штабе Деникина в Екатеринодаре, а затем после его разгрома в Севастополе при П. Н. Врангеле действовала сербская военно-дипломатическая миссия, в которую входили полковник Р. Георгиевич, бывший первый секретарь сербского посольства М. Ненадич, а также Ж. Стефанович. После полного поражения Белого движения на Юге России в ноябре 1920 года они вместе с армией П. Н. Врангеля эвакуировались из Крыма. Российскую военную миссию возглавил не менее известный в Сербии бывший военный агент Российской империи в Белграде В. А. Артамонов. В 1924 году в Королевстве СХС, как и в большинстве европейских стран, деятельность бывшей Российской миссии была преобразована в Делегацию по защите интересов русских беженцев во главе с тем же Штрандтманом, который продолжал числиться в списках аккредитованного в Белграде

---

¹⁷ Йованович М. Сербия (Югославия) между большевиками, белыми генералами, или О дипломатическом признании Колчака // Русский сборник: исследования по истории России. М.: Модест Колеров, 2006. Т. 2. С. 295.

¹⁸ Г. Н. Трубецкой в своих мемуарах оставил такое свидетельство: «Я слышал от дипломатов, что в конце июля 1918 года на одном из очередных приёмов дипломатического корпуса В. И. Ленин объявил о расстреле императорской семьи. Спалайкович не смог себя сдержать и, подойдя к Ленину, плюнул ему в физиономию. Советская власть была еще слаба, и инцидент был «затерт». Было решено не обращать внимания на «невоспитанного и несдержанного большого человека»». (Трубецкой Г. Н. Русская дипломатия 1914–1917 гг. и война на Балканах. С. 159.)

¹⁹ Подробнее см.: Ганин А. В. Фотоархив сербской военной миссии в Советской России // Старый цейхгауз. 2012. № 5. С. 92–95; Его же. Западные и южные славяне-генштабисты в России от Первой мировой к Гражданской войне (1914–1922 гг.) // Первая мировая война и судьбы народов Центральной и Юго-Восточной Европы: очерки истории. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2015. С. 80–97.

²⁰ Q. v.: Krizman V. Raspad Austro-Ugarske I stvaranje Jugoslovenske države. Zagreb, 1977. S. 46.

²¹ Йованович М. Сербия (Югославия) между большевиками, белыми генералами, или О дипломатическом признании Колчака. С. 305.

²² См.: Штрандтман В. Н. Балканские воспоминания. М.: Книжница, 2014. 504 с.

дипломатического корпуса. На фасаде формально закрытого русского посольства продолжал красоваться двуглавый орел и развиваться российский триколор. Последовательная антибольшевистская позиция югославских властей привела не только к тому, что Королевство СХС приняло на своей территории более 40 тыс. русских беженцев, но и к тому, что Югославия одна из последних европейских государств признала СССР. Но произошло это уже в 1940 году, после начала Второй мировой войны, в кардинально изменившейся международной политической обстановке²³.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ганин А. В. Фотоархив сербской военной миссии в Советской России // Старый цейхгауз. — 2012 — № 5. — С. 92–95.
2. Ганин А. В. Западные и южные славяне-генштабисты в России от Первой мировой к Гражданской войне (1914–1922 гг.) // Первая мировая война и судьбы народов Центральной и Юго-Восточной Европы : очерки истории. — М. : Институт славяноведения РАН, 2015. — С. 80–97.
3. Джурич Дж. Первая мировая война с точки зрения типичного сербского интеллигента (по дневнику президента Сербской королевской академии) // Первая мировая война в литературах и культуре западных и южных славян. — М. : Институт славяноведения РАН, 2004.
4. Йованович М. Сербия (Югославия) между большевиками, белыми генералами, или О дипломатическом признании Колчака // Русский сборник: исследования по истории России. — М. : Модест Колеров, 2006. — Т. 2. — С. 293–312.
5. Никифоров К. В. «Начертание» Илии Гарашанина и внешняя политика Сербии в 1842–1853. — М. : Индрик, 2015. — 256 с.
6. Рид Д. Вдоль фронта. — М. ; Л. : Земля и фабрика, 1928. — 324 с.
7. Слезкин Ю. СССР как коммунальная квартира, или Каким образом социалистическое государство поощряло этническую обособленность // Американская русистика. Вехи историографии последних лет. Советский период. — Самара : Самар. гос. ун-т, 2001. — 364 с.
8. Тимофеев А. Ю., Живанович М. «Работа комиссии провалена... потому, что один из ее членов — открытый неприятель Сербии и Греции»: взгляд из Белграда на пропагандистский удар по Балканам в 1913–1914 гг. и его повторение через 79 лет // Военно-исторический журнал. — 2017. — № 5. — С. 32–39.
9. Трубецкой Г. Н. Русская дипломатия 1914–1917 гг. и война на Балканах. — Монреаль : Русь, 1983. — 283 с.
10. Шевцова Г. И. Красные маки для княгини. Материалы к биографии княгини Елены Петровны. — М. : Союз-Дизайн, 2017. — 556 с.
11. Шемякин А. Л. Югославская программа Сербского королевства в первый период войны (август 1914 — октябрь 1915) // Первая мировая война. Пролог XX века. — М. : Наука, 1998. — С. 380–396.
12. Штрандтман В. Н. Балканские воспоминания. — М. : Книжница, 2014. — 504 с.
13. Югославия в XX веке. Очерки политической истории / отв. ред. К. В. Никифоров. — М. : Индрик, 2011. — 888 с.
14. Јовановић Р. Зашто сам и како био и остао у Русији од 1913 до 1923 године. Кратки меморандум министру спољних послова Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца. — Белград, 1925.
15. Krizman V. Raspad Austro-Ugarske I stvaranje Jugoslovenske države. Zagreb : Skolska knjiga, 1977.
16. Timofeev A., Živanović M. Carnegie Report on the Causes and Conduct of the Balkan Wars 1912/13. — Could Report's authors and their employers be objective? // Токови историје. — 2016. — № 3. — Р. 43–70.

Сведения об авторе

Вишняков Ярослав Валерианович — доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной и отечественной истории Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел России, г. Москва.

Сфера научных интересов: политическая история Сербии и Черногории, политика России на Балканах в XIX — начале XX века.

Контактная информация: электронный адрес: vishnyakov@yandex.ru

---

²³ Надо отметить, что в 1920-е годы советская дипломатия предпринимала попытки установить дипломатические отношения с Королевством СХС. Так, в 1920 году в Лондоне состоялись первые контакты министра иностранных дел Югославии Анте Трумбича и Л. Б. Красина. В 1922 году произошла встреча наркома Г. В. Чичерина и главы МИД М. Нинчина. Однако эти попытки так и не увенчались успехом. (См.: Йованович М. Сербия (Югославия) между большевиками, белыми генералами, или О дипломатическом признании Колчака. С. 299.)

SERBIAN GOVERNMENT AND THE RUSSIAN REVOLUTION

The article focuses on the interconnection between the Russian Revolution of 1917 and the creation of new states which emerged in Central and South-Eastern Europe in the wake of World War I.

The author underlines that in the aftermath of February 1917, the future of the Western Balkans was reconsidered. The previously favored plans of extending the territory of Serbia by claiming back some Serbian provinces occupied by Austro-Hungary (Vojvodina, Bosnia and Herzegovina, a portion of Slavonia and Dalmatia) were discarded. Serbia and Croatia were to make one country, while the Austro-Hungarian Empire was to be dissolved. The events of the February Revolution made Russian diplomacy support the South-centered model of the new state. This was only favorable to England and France, which treated this “golem” as a means to dilute German and Italian influence in the region and to neutralize Russian influence in Serbia. All these events were the forerunner to the tragedy awaiting the country which emerged in 1918.

Russian Revolution of 1917; N. Pašić; Nicolas II; M. Živković; Serbian Volunteer Corps; Corfu Declaration

REFERENCES

1. Ganin A. V. Photographic Archives of the Serbian Military Mission in the Soviet Russia. *Staryj cejhgauz* [The Old Arsenal]. 2012, no. 5, pp. 92–95. (In Russian).
2. Ganin A. V. The West and South Slavs in the Russian General Staff during World War I and the Civil War (1914–1922). *Pervaja mirovaja vojna i sud'by narodov Central'noj i Jugo-Vostočnoj Evropy: ocherki istorii* [World War I and the Fates of People Populating Central and South-Eastern Europe: Historical Sketches]. Moscow, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences Publ., 2015, pp. 80–97. (In Russian).
3. Dzhurich Dzh. World War I from the Point of View of a Typical Serbian Intellectual (based on the journal of the President of the Serbian Royal Academy). *Pervaja mirovaja vojna v literaturah i kul'ture zapadnyh i juznyh slavjan* [World War I in the Literature and Culture of the West and South Slavs]. Moscow, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences Publ., 2004. (In Russian).
4. Jovanovich M. Serbia (Yugoslavia): Torn between Bolsheviks and White Generals, or Diplomatic Recognition of Kolchak. *Russkij sbornik: issledovanija po istorii Rossii* [Russian Collection: Researching Russian History]. Moscow, Modest Kolerov Publ., 2006, vol. 2, pp. 293–312. (In Russian).
5. Nikiforov K. V. «Nachertanie» Ilii Garashanina i vneshnjaja politika Serbii v 1842–1853 [Ilija Garašanin's “Načertanije” (“The Draft”) and Serbia's Foreign Policy in 1842–1853]. Moscow, Indrik Publ., 2015, 256 p. (In Russian).
6. Rid D. *Vdol' fronta* [Along the Frontline]. Moscow, Leningrad, Land and Factory Publ., 1928, 324 p. (In Russian)
7. Slezkin Ju. The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Encouraged Ethnic Clannishness. *Amerikanskaja rusistika. Vehl istoriografii poslednih let. Sovetskij period* [Russian Studies in America. Recent Landmarks of Historiography]. Samara, Samara State University Publ., 2001, 364 p. (In Russian).
8. Timofeev A. Ju., Zhivanovich M. “The Commission has failed... because one of its members is openly hostile to Serbia and Greece”: a Propaganda Maneuver Directed against the Balkans in 1913–1914 and a Relapse 79 Years Later. *Voенно-istoričeskij zhurnal* [Journal of Military History]. 2017, no. 5, pp. 32–39. (In Russian).
9. Trubeckoj G. N. *Russkaja diplomatija 1914–1917 godov i vojna na Balkanah* [Russian Diplomacy in 1914–1917 and the Balkan War]. Montreal, Russ Publ., 1983, 283 p. (In Russian).
10. Shevcova G. I. *Krasnye maki dlja knjagini. Materialy k biografii knjagini Eleny Petrovny* [Red Poppies for the Duchess. Materials for the Biography of Grand Duchess Elena Petrovna]. Moscow, Union-Design Publ., 2017, 556 p. (In Russian).
11. Shemjakin A. L. The Yugoslav Project of the Kingdom of Serbia in the Beginning of the War (August 1914 – October 1915). *Pervaja mirovaja vojna. Prolog HH veka* [World War I. The Prologue of the 20th Century]. Moscow, Science Publ., 1998, pp. 380–396. (In Russian).
12. Shtrandtman V. N. *Balkanske vospominanija* [Balkan Memories]. Moscow, Scribe Publ., 2014, 504 p. (In Russian).
13. Nikiforov K. V. (ed.) *Jugoslavija v XX veke. Ocherki političeskoj istorii* [Yugoslavia in the 20th Century. Sketches of Political History]. Moscow, Indrik Publ., 2011, 888 p. (In Russian).
14. Jovanovič R. *Zashto sam i kako bio i ostao u Rusiji od 1913 do 1923 godine. Kratki memoradum ministru spoljnih poslova Kraljevine Srba, Hrvata i Slovenaca*. Belgrad, 1925. (In Serbian).
15. Krizman B. *Raspad Austro-Ugarske i stvaranje Jugoslovenske države*. Zagreb: Skolska knjiga Publ., 1977. (In Croatian).
16. Timofeev A., Živanović M. The Carnegie Report on the Causes and Conduct of the Balkan Wars 1912–1913. Were the Authors of the Report and their Employers Objective? *Tokovi istorije* [Currents of History]. 2016, no. 3, pp. 43–70. (In Serbian).

Information about the author

Vishnyakov Yaroslav Velerianovich — Doctor of History, Professor in the Department of World and Russian History at Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow

Research interests: political history of Serbia and Montenegro, Russian policy in the Balkans in the 19th – early 20th centuries

Contact information: e-mail: vishnyakov@yandex.ru

Поступила в редакцию 07.05.2019

Received 07.05.2019